

Желание и слово: эротизм и нарциссизм как смыслообразующие стратегии

Савченкова Н.М.

*доктор философских наук, доцент
Факультет свободных искусств и наук СПбГУ
(Санкт-Петербург, Россия)*

В работе Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» концепт сексуальности впервые обрел точный смысл и был понят как символизация объектных отношений с миром. Эротическое отношение тем самым превратилось в двигатель становления субъективности, превращая потребность в желание и открывая для себя intersubъективное измерение. Однако уже в 1914 году Фрейд открыл феномен нарциссизма, что определило совершенно иную постановку вопроса о сексуальности. Миф об Эдипе, столь значимый для европейской культуры, связавший сексуальность и знание, и заложивший в основание субъективности трансгрессивное желание, вину и невинность, был дополнен вторым ключевым мифом. История Нарцисса осложнила понимание сексуальности концептами «зеркала», «эхо», «наслаждения», «желающего Другого». В проблематику сексуальности вторглись психотические, и, в частности, параноидальные элементы.

Рост нарциссических расстройств во второй половине XX века, изменение психической структуры человека в постинформационную эпоху в целом, - эти процессы обострили коллизию эротического и нарциссического способов субъективации, что нашло выражение в символическом поле культуры, языковых поисках в литературе и кинематографе. Эротизм субъекта раскрывается, прежде всего, как стратегия социальная и политическая, суть которой – конфликт между именем и законом, борьба за идентичность, тогда как хрупкая нарциссическая субъективность обнаруживает себя как «нечеловеческая», онтологически выстроенная вокруг «многого» и «иного», она погружает нас в изучение поверхности.

Проблема «прикосновения», «касания», «кожи», так как она задана Э. Левинасом и Д. Анзье, на наш взгляд, является точкой пересечения эротических и нарциссических стратегий и тем конкретным полем, где возможно изучение сексуальности современного субъекта во всей ее противоречивости и многообразии.